

— Кем вы приходитеесь вашим произведениям? Демиургом? Доводчиком Божьей воли? Летописцем?

— Своим произведениям я являюсь автором. То есть создателем. В истории литературы это не такая уж редкая фигура. Что касается Божьей воли, полагаю, она занимается иными вещами.

— И кем герои ваших произведений приходятся вам? Соседями? Воспитателями? Воспитанниками? Или, что в этом, что в предыдущем вопросе, ваши взаимоотношения с книгой и её насельниками нельзя впихнуть в какие-то жёсткие рамки?

— Ну, пока работаю, пока роман или повесть пишутся, мои герои из тени замысла, из мелькания жестов, мыслей, фактов биографий... постепенно становятся живыми людьми, страшно мне интересными, уж куда более интересными, чем соседи и даже друзья. И даже порою родственники. Но продолжается это недолго. Роман завершается, и герои уплывают под этой обложкой к своим читателям, а я погружаюсь в следующий мир следующей книги, в строительство иного сюжета, иного общества... Через некоторое время забываю прошлую книгу настолько, что не помню имена героев. Это условие расчистки пространства для работы.

— Почему некоторые герои умирают, а некоторые остаются в живых? Да, странный вопрос. Но, на мой взгляд, шансов выжить и остаться в уме у Лизы («Синдром Петрушки»), в общем, было не намного больше, чем у Кордовина («Белая голубка Кордовы»).

— Судьба героя зависит от логики сюжета и логики его характера и жизненного пути. Герой должен быть аутентичен всему авторскому замыслу. Вообще, рассуждать о судьбе или характере героя вне рамок романа просто невозможно. У Кордовина жизнь складывается так, у Петра Уксусова — этак. Всё это вопросы не для беглого интервью, а для литературоведческого исследования. Лиза из «Синдрома Петрушки» — да, фигура трагическая; но и Пётр — фигура трагическая, только иначе. И в общем замысле романа их характеры преобразуются и прodelьывают свой путь.

— Очень хороший язык. Очень! Спасибо. Живой, «как в жизни», фактически слепок реальности, реальность же моделирующий дальше. Вы в состоянии запомнить всё живое говорение вокруг вас? Или вы всюду ходите с записной книжкой?

— «Живой язык, слепок реальности» — это ещё одна иллюзия. К тому же вы имеете в виду, навер-

Язык произведения всегда — инструмент, тщательно создаваемый, тщательно обдумываемый писателем

ное, речь героев. Так, как мои герои, живые люди не говорят. Прислушайтесь к живой речи вокруг вас: слова-паразиты, мат-перемат, косноязычие, невнятица мыслей и тоска. Редко кто в реальности умеет излагать свои мысли. И тем более ни один писатель не захочет, чтобы его книги величали «слепок реальности». Литература и жизнь — разные вещи. Язык произведения всегда — инструмент, тщательно создаваемый, тщательно обдумываемый писателем. Да, если вдруг я слышу какое-то яркое необычное высказывание или слово, я его беру на заметку. Если не слышу — придумываю. Например, в моём романе «Наполеонов обоз» есть такой герой «из народа» — Изюм. Я долго и трудно конструировала его язык. И сейчас горжусь, как ловко и точно он разговаривает: такой вот волапук, смесь идиотских речей «из ящика», лично им придуманные слова... и ещё несколько ингредиентов.

— Соглашусь, редко кто в реальности умеет излагать свои мысли. А что нужно, чтобы люди говорили лучше, хотели говорить лучше? Да, довольно неожида-

нный скачок в сторону, но вдруг да у вас есть хоть маленький рецепт на этот сложный случай.

— Ораторские способности — это, конечно, врождённый дар. Но... их можно изрядно развить. В царских гимназиях существовал такой предмет — риторика. Людей учили говорить. Ещё в те времена, когда мы учились в школе, нас заставляли устно пересказывать содержание книги. Сейчас и этого нет. Ну, а интернет с его значками, эсэмэсками, ватсапом и прочим — это прямая дорога к пещерному общению при помощи наскальных знаков.

— Сколько понадобилось времени на объяснение издателям, редакторам, что это должно звучать именно так? Или с ходу повезло, и все согласились с языком ваших книг сразу?

— Я не совсем понимаю: вы имеете в виду, что мои герои часто употребляют крепкие народные выражения? Или что? Описание венецианских каналов в «Высокой воде венецианцев» и описание барочной оратории несуществующего композитора XVIII века из «Русской канарейки», или описание апортовых садов там же — это всё разные приёмы и разные уровни языка. И никому из редакторов и издателей ничего не надо объяснять, как и читателям. Либо ты увлечён текстом и полностью веришь сюжету, персонажам, их судьбам... Либо ты не веришь ничему и никому. И тогда уже ничего ни у кого тоже спрашивать не стоит.